

ла страны, против поджигателей новой войны и их немецких пособников, стремящихся свергнуть Германию в новую военную катастрофу» *. Центральный теоретический орган партии, журнал «Einheit», активно участвует в этой борьбе. Важным средством к достижению поставленных перед ним целей служит марксистская разработка вопросов истории Германии, вооружающая кадры партии непобедимыми идеями марксизма-ленинизма.

К. Селезнев

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ АГРАРНОГО СТРОЯ В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ **

Вопрос об аграрном строе древневосточных стран, в частности Двуречья, является очень важным и интересным не только для узкого специалиста, но и для широкого круга читателей, интересующихся общим ходом исторического процесса. Не следует забывать о том огромном интересе, который проявлял Маркс к проблеме общинного и частного землевладения в древности. В своей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству»¹, он даёт глубокий анализ трёх видов общинной собственности на землю: восточной (или азиатской), античной и германской. Намечая общие линии развития общины, К. Маркс неоднократно подчёркивает различия в укладе общинной жизни в зависимости от конкретной обстановки. В каждой стране и даже в каждой области (например, в различных частях Индии) существуют свои особенности. Таким образом, перед историком ставится серьёзная задача — изучить специфику общины и соотношение общинного и частного землевладения в разных местностях и на различных этапах развития общества. Для античного мира эта работа уже в значительной степени проделана, но о древнем Востоке этого нельзя сказать. Вопрос о структуре общины в восточных странах, о её постепенном разложении, об удельном весе частного землевладения ещё ждёт своего разрешения. Между тем материал, находящийся в распоряжении историка, всё разрастается. Наибольшее число новых первоисточников обнаружено в Двуречье. За последние десятилетия во многих музеях накопились сотни документов, свидетельствующих о купле-продаже земельных участков в Вавилонии и Ассирии. Многие из этих документов опубликованы. Особенно следует отметить издание советским ассириологом А. П. Рифтиным² интереснейших контрактов, хранящихся в музее Ленинградского института истории Академии наук СССР, в Государственном Эрмитаже и московском Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Появился ряд исследований по отдельным вопросам аграрной истории Вавилонии и Ассирии. Однако до сих пор ещё никто не взялся за систематическое изучение всей совокупности клинописных документов, характеризующих земельные отношения на протяжении всей истории древнего Двуречья. Поэтому инициатива Н. М. Никольского вполне своевременна.

Его монография, посвящённая частному землепользованию и частному землевладению в древнем Двуречье, охватывает Вавилонию и Ассирию до персидской эпохи включительно. В первой главе, представляющей краткое введение (стр. 5—8), автор так определяет свои задачи: «Я попытаюсь ответить на вопросы об исторических

* «За прочный мир, за народную демократию!», № 3/30 от 1 февраля 1949 года.

** Акад. Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск. 1948. 160 стр.

Ввиду спорности вопроса редакция помещает данную статью в порядке обсуждения.
¹ Эта работа была впервые опубликована по сохранившейся рукописи в 1939 г. (см. «Пролетарскую революцию» № 3), и часть её перепечатана в «Вестнике древней истории» № 1 за 1940 год.

² Рифтин А. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.-Л. 1937. №№ 14—23, 28—30 и 40—42 содержат данные о покупке, мене и аренде земельных участков.

истоках права частного землевладения, о его развитии, его зависимости от исторических условий места и времени, о степени его прочности, о моментах его упадка и подъёма, не раз сменявших друг друга на протяжении истории Двуречья. При этом постоянно придётся учитывать взаимоотношения частного права землевладения с суверенным царским правом, с одной стороны, и с общинным правом, с другой» (стр. 8).

Посмотрим, в какой мере удалось автору разрешить поставленные им задачи. Во второй главе он рассматривает древнейший документальный материал, который датируется им концом IV и первой половиной III тысячелетия до н. э. Очевидно, автору неизвестны новые документы, заставившие ассириологов пересмотреть хронологию Передней Азии IV—II тысячелетий до н. э. Это тем более странно, что рецензируемая книга была подписана к печати 6 мая 1948 г., т. е. через год после того, как на страницах «Вестника древней истории» № 1 за 1947 г. появилась статья акад. В. В. Струве «Датировка I вавилонской династии», подробно освещающая вопросы хронологии Двуречья в свете последних открытий. Очевидно, эта статья ускользнула от внимания Н. М. Никольского, так как он систематически даёт устаревшие даты.

Итак, древнейшие шумерийские документы из Лагаша, сообщающие о характере землевладения и землепользования в Южном Двуречье, мы должны датировать концом XXV и XXIV вв. до н. э. Автор отмечает, что в этих документах ничего не говорится о купле-продаже земли, следовательно, частного землевладения ещё не было (стр. 20).

Верховными собственниками земли были цари и патеси, выделявшие часть земельного фонда для царского хозяйства и часть в пользование храмам. «Остальные земли были либо во владении крестьянских общин, либо под пастбищами, либо вообще были непригодны для сельского хозяйства» (стр. 14).

Только во времена Аккадской династии (по устарелой хронологии, принятой автором на 22 стр., — XXVI в. до н. э., по исправленной — XXIV—XXIII вв.) происходят сдвиги в аграрных отношениях. Впервые появляется частное землевладение. В надписи на обелиске Маништусу (третий царь Аккадской династии) речь идёт уже о продаже полей. Н. М. Никольский примыкает к точке зрения французского ассириолога Кюка, считающего, что продавцами этих земель были родоплеменные общины (стр. 26, 28). Наряду с ними, вероятно, существовали более мелкие и слабые родовые или сельские общины, земли которых царь мог отчуждать без всякого вознаграждения (стр. 30). Происходили уже выделения из общин. Старейшины получали в наследственное владение участки земли («поля вождей», стр. 31).

В период третьей династии Ура (по исправленной хронологии, 2132—2024 гг. до н. э.) «частное владение недвижимостью уже приобрело известный удельный вес» (стр. 36), о чём свидетельствуют документы о купле-продаже и шумерийские законы того времени. Однако частное владение землёй, по мнению Н. М. Никольского, нельзя понимать буквально «в смысле индивидуального, личного владения... Владелец земли была семейная, или домашняя община, и глава последней — дед, отец или старший брат — был только распорядителем общего имущества» (стр. 37).

В третьей главе, наиболее обширной (стр. 38—90), Н. М. Никольский рассматривает аграрные отношения периода первой вавилонской династии (по исправленной хронологии, 1894—1595 гг. до н. э.). Он признаёт, что от этой эпохи сохранилось много документов, сообщающих о купле-продаже земли (стр. 38). Также отмечается, что кодекс Хаммурапи (Хаммураби) содержит данные, свидетельствующие о росте частного землевладения. Однако тут же Н. М. Никольский предостерегает читателя от переоценки роли частного землевладения. Он обращает внимание на незначительность размеров частновладельческих полей. Из 76 полей, упоминаемых в юридических документах с точными указаниями размера, большая часть (69) является карликовыми или средними (от 700 кв. м до 8,4 га) и лишь 7 полей — более крупными (до 31 га). Следовательно, частное землевладение носило мелкий характер (стр. 45). Сады и дома, принадлежавшие частным лицам, также были очень малы (стр. 46—50).

Среди покупателей недвижимости видное место занимают жрецы Шамаша (стр. 50). Продавцами являются главным образом крестьянские семьи, а также семьи сановников или дамкаров (торговых агентов).

«Таким образом мобилизация недвижимости идёт по двум линиям: по линии скупки состоятельными покупателями владений малоимущего крестьянства и мелкого ремесленничества и по линии обмена новой землевладельческой и домовладельческой группы, состоящей главным образом из жрецов, дамкаров и сановников» (стр. 55—56).

Н. М. Никольский неоднократно подчёркивает, что под частным владением он подразумевает семейное, и в специальном разделе третьей главы («Характер и права частного владения и его источники») подробно останавливается на организации семейной общины, сравнивая её с древнеиндийской, а также с белорусской и русской в XIX в. (стр. 74). Особенно важное значение автор придаёт отсутствию в древней Вавилонии права свободного завещания.

В последнем разделе третьей главы («Удельный вес частного землевладения и частного хозяйства в экономике древневавилонского царства») автор производит сложные статистические выкладки, в результате которых приходит к выводу, что в Вавилонии в рассматриваемый период имелось не более 500 частных землевладельцев, составлявших весьма незначительную группу по отношению к общему числу народонаселения (3 млн. — 3750 тыс. чел.), причём площадь принадлежащей им земли не превышала 30 тыс. га, «то есть всего один процент площади культурных земель Вавилонии» (стр. 88, ср. стр. 76). Земельные участки вавилонских землевладельцев были разбросаны в разных местах и не составляли компактных поместий. Сами хозяева обычно жили в городе, а надзор за своими полями и садами и организацию сельскохозяйственных работ поручали управляющим. В качестве примера Н. М. Никольский приводит организацию хозяйства вавилонского сановника Адад-раби и его управляющего Лишит-за. Подробному описанию их деятельности, на основании сохранившейся переписки, посвящено семь страниц (стр. 77—84).

В четвёртой, и последней, главе (стр. 90—130) дана характеристика частного землевладения и землепользования в Двуречье (включая и Ассирию в XV—VI в. до н. э.).

В первом разделе главы («Касситская эпоха») автор характеризует XV век как время «глубокого хозяйственного и социального регресса», сказавшегося в «значительном ослаблении частного землевладения и домовладения». С некоторым колебанием акад. Никольский говорит даже о возвращении Вавилонии на давно минувшую ступень развития: «Вавилония в области взаимоотношений между общинным и частным землевладением вернулась как будто бы к условиям, аналогичным тем, какие выступают перед нами в надписи царя Маништусу, то есть отброшена на полторы тысячи лет назад» (стр. 92)³. Результатом касситского завоевания было усиленное проникновение в страну «новых общин, полнокровных и сильных». Это были касситские родоплеменные общины, которые закреплялись на месте разорённых или даже истреблённых семитских общин. Значительная часть частных землевладельцев Вавилонии была физически уничтожена, и общинный строй, обновлённый притоком новых общинников, полностью возродился.

В конце XV в. в связи с общим хозяйственным подъёмом появляются новые частные землевладельцы, получающие от царя земли, экспроприированные у общин. Об этом свидетельствуют многочисленные кудурру (высеченные на каменных столбах царские грамоты о пожаловании земли). В 1345 г. (если придерживаться хронологии Э. Мейера, которую Н. М. Никольский совершенно неправильно принимает как незыблемую и не нуждающуюся в доказательствах) происходит восстание Назибугаша, кассита «из неизвестного рода, вероятно, из общинных вождей». Хотя это восстание и было подавлено жрецами и сановниками с помощью ассирийских войск, однако, боясь раздражить общинников, касситские цари на время прекращают выдачу кудурру (стр. 93).

Но через сто лет расхищение общинных земель возобновляется (стр. 94). Наряду с царями, жалующими захваченными насильно участками своих приближённых, орудует и «поднимавшаяся внутри общины новая родовая и сановная аристократия». Это «должностные лица общины», «выборные агенты», захватывающие в наследственное владение земельные участки (стр. 95). Автор подробно останавливается на целом ряде

³ Напоминаю, что Н. М. Никольский придерживается старой хронологии. Если бы он был знаком с новейшими открытиями в области вавилонской хронологии, то, конечно, он говорил бы об одном, а не о полутора тысячелетиях (Маништусу правил в XXIV в. до н. э.).

судебных дел, возникших в результате споров между общинниками и расхитителями общинных земель.

Во втором разделе последней главы Н. М. Никольский анализирует аграрные отношения в Ассирии (XV—VII вв.) на основании интересных ранних документов из Нузи (XV в.) и сохранившихся отрывков ассирийского кодекса законов, а также льготных грамот, контрактов и писем VIII—VII веков.

Конечный вывод автора сводится к весьма показательному признанию, что масштабы частного землевладения в Ассирии в VIII—VII вв. «по размерам площади владений были значительно выше масштабов крупного землевладения в древнеавилонском царстве» (стр. 110). Семейная община в результате частых разделов разлагалась быстрее, чем в Вавилонии (стр. 111). Частное землевладение прошло в Ассирии тот же путь развития, что и в Вавилонии, но «в три раза быстрее, в течение двух веков, протекавших от эпохи нузийских документов до издания ассирийских законов», а в дальнейшем достигло «значительно более высокого уровня, чем в Вавилонии» (стр. 112).

В третьем, и заключительном, разделе четвертой главы Н. М. Никольский останавливается на частном землевладении Вавилонии IX—VI вв., охватывая, таким образом, период ассирийского преобладания, вторжений халдеев Нововавилонского царства и начала персидской эпохи. Выводы автора в этом разделе сформулированы следующим образом: «Параллельно усилились оба противоположных сектора вавилонского общества: в то время как усилился общинный быт в южной части Вавилонии и халдейские общины проникли также и в центральную часть Вавилонии, в старых центрах последней — Вавилоне, Сиппаре и Ниппуре — получили новое развитие и усилились частновладельческие элементы» (стр. 114). Однако это усиление означало лишь возвращение к уровню экономического развития времён Хаммурапи. Количество частных землевладельцев по сравнению с древнеавилонским царством не уменьшилось, но и не увеличилось сколько-нибудь заметным образом (стр. 129). Средняя и общая площадь частных земельных владений в халдейско-персидскую эпоху несколько увеличилась (на 8—10%, стр. 130).

«Такое повышение, — заключает автор, — совершенно недостаточно для того, чтобы служить показателем какого-либо существенного повышения удельного веса частного землевладения и частного хозяйства в халдейско-персидскую эпоху в сравнении с древнеавилонской. С экономической точки зрения, напротив, можно даже отметить некоторый регресс, заключающийся в том, что в халдейско-персидскую эпоху мы наблюдаем значительное увеличение численности таких землевладельцев из ростовщиков и жрецов, для которых владение полями и садами было спекулятивным делом, источником крупной и лёгкой наживы при применении методов, разорявших и фактических производителей и самые хозяйства» (стр. 130).

Несколькими строками ниже Н. М. Никольский снова подчёркивает, что в Нововавилонском царстве не наблюдается экономического прогресса: «Теперь хищников стало больше, они стали крупнее, но от этого, конечно, не могло получиться никакого прогресса». И наконец в заключительных фразах четвертой главы автор делает известную оговорку, заявляя, что «некоторый прогресс в формах использования земли всё-таки в халдейско-персидскую эпоху наблюдается, так как мы уже не встречаем системы землепользования на основе царского пожалования сановникам». Эта «примитивная форма частной эксплуатации земли» в VI в. почти исчезает.

В кратком заключении (гл. V) автор повторяет свои основные выводы.

Таковы результаты многолетней работы Н. М. Никольского, целью которой является раскрытие специфических особенностей землевладения в древнем Двуречье.

Можно ли признать эту работу успешной? Безусловно, большим достижением Н. М. Никольского являются признание в Двуречье частного землевладения и особенно ценное наблюдение относительно быстрых темпов разложения системы общинного землевладения в Ассирии.

Однако, отмечая эти успехи автора, приходится признать, к сожалению, что важная проблема, поставленная им, далеко ещё не разрешена до конца и многие выводы автора остаются весьма спорными, а в некоторых случаях даже методологически порочными. Прежде всего вызывает сомнение объяснение древнеавилонских терминов, которые автор переводит словом «община». Подобных терминов оказывается целых три:

«алу», «биту» и «угар»; — причём каждый из них имеет целый семантический пучок значений. Возьмём, например, слово «алу». По справедливому замечанию автора, этот термин «восходит к тому же древнему общесемитскому⁴ корню; от которого происходит коптское *one* — загон для скота, еврейское *ohel* — шатёр кочевого скотовода, сабейское *chl* — семья, сирийское *chal* в значении жилища, семьи, рода, общины. Соответственно этому и вавилонско-ассирийское «*alu*» имеет значение в смысле «поселения» вообще, включая сюда и сёла и маленькие деревни (и крупные города, такие, как Вавилон и Ниневия, — добавим мы от себя для пополнения перечня. — Д. Р.), далее «область», «местность», «община» (стр. 27).

Таким образом, основываться на толковании термина, имеющего такой широкий круг значений, оказывается делом весьма опасным. Правда, автор пытается опереться на «незыблемый» авторитет таких иностранных исследователей, как «крупные юристы» Колер и Пейзер (следовало бы прибавить: «буржуазные юристы»), но это не спасает дела. Конечно, Колер и Пейзер являются знающими ассириологами, но буржуазная ограниченность мешает им вскрыть социальную семантику рассматриваемого термина. Когда они переводят «*alu*» словами «*Gemeinde, Mark*», то они, конечно, имеют перед глазами древнегерманскую марку, подобие которой им хочется найти в древнем Двуречье. Но, для того чтобы их гипотеза стала убедительной, надо найти хотя бы один текст, в котором «*alu*» характеризовалось бы специфическими чертами, напоминающими марку (например, систематические пределы, общие выгоны, принудительный севооборот). Однако ни одного подобного примера, который блестяще подтвердил бы одобренное им толкование Колера — Унгнада, Н. М. Никольский не приводит. И это вполне понятно, ибо подобных документов не сохранилось. Правда, Н. М. Никольский ссылается на кодекс Хаммурапи, уверяя, что там «*lu*» употребляется в смысле «община». Но читатель, заглянув в указанные автором статьи упомянутого кодекса (22 и 23), будет разочарован, так как ни слова об аграрных отношениях он там не найдёт. В статьях речь идёт только о коллективной ответственности «*alu*», которой подлежат все жители данной местности, независимо от того, владеют они земельными участками или нет.

Только в одном документе, упоминаемом на стр. 41, старейшины «*alu*» распоряжаются землёй, а именно передают участок какого-то воина (реду) одному из чиновников. Но, конечно, здесь речь идёт не об общинной, а о дарственной земле. Сам Н. М. Никольский признаёт, что поле воина было вымороченным. Местные власти, конечно, могли распоряжаться подобными полями. Конфискация же половины упомянутого участка у нового владельца, о которой сообщается далее, опять-таки означает не передел, а чисто административное распоряжение, вызванное отсутствием владельца, отправившегося в Сиппар.

Итак, нет никаких оснований отказываться от буквального перевода «*alu*» как «поселение» (в широком смысле, т. е. вместе с окрестными землями, которыми владеют его жители). Ещё менее благодарным для изучения общинного строя является термин «биту». Как известно, первоначальное и основное значение его — дом. Однако в широком смысле это слово может означать государство (если за ним следует имя царя, например, Бит-Габбар-Самаль — государство в Северной Сирии, Бит-Хумри — израильское царство и т. д.).

Н. М. Никольский переводит «биту» то «родоплеменная община» (стр. 91), то «домашняя община» (стр. 93). Из контекста, однако, видно, что очень часто данный термин означает просто область или округ и не имеет никакого отношения к общинному землевладению (например, на стр. 94 Бит-пири-Амурру). Таким образом, утверждение Н. М. Никольского, идущего в данном случае, по собственному его признанию, по стопам французского буржуазного социолога Кюка, что «биту» является специфическим термином для обозначения общины, оказывается малоубедительным. Также и обозначение «бел-бити» вовсе не обязательно переводить как «глава общины» (стр. 28 и др.). Этот термин мог обозначать просто домохозяина.

Что же касается третьего термина, «угар», то из всех примеров, приведённых автором (стр. 53, 54, 116), ясно, что он обозначает лишь определённую территорию. Когда

⁴ Подразумевается, конечно, не семитский «праязык», которого никогда не существовало, а группа языков.

хотят обозначить местонахождение какого-либо участка, то пишут, что он находится в пределах «угар» канала Сури или «угар» Набиру (имя собственное), т. е. в том или ином районе⁵.

Таким образом, в тех случаях, когда в переводе Н. М. Никольского употребляется слово «община», мы далеко ещё не можем быть уверенными, что речь идёт о подлинной общинной организации, а не об административной единице или просто местности.

Ещё сложнее обстоит дело с определением типа общины. Далеко не всегда Н. М. Никольский уточняет, что он имеет в виду: родоплеменную или сельскую общину,—а между тем это совершенно разные объединения, характерные для различных стадий развития общества.

Далее, и для того и для другого типа общины самым основным является совместное владение определённой территорией. Однако из приведённых Н. М. Никольским материалов совсем не видно, чтобы постулируемая им община располагалась землёй. Автор делает упор на то, что в актах о продаже земли часто выступает в качестве продавца «бел-бити», представитель и глава общины, но делает весьма существенную оговорку: «Характерно также, что размер покупной цены и способ её распределения между общинниками никогда не оговаривается» (стр. 93). Невольно возникает вопрос: действительно ли продавцом являлась община, а не отдельное лицо?

Итак, один полюс — община (объединение лиц, совместно владеющих землёй) — остаётся в полном тумане. Надо думать, что её разложение пошло гораздо дальше, чем полагает автор. В противном случае, при обилии частноправовых и законодательных документов, мы, несомненно, имели бы неоднократные упоминания об общинных землях. Что касается частного землевладения, то Н. М. Никольский собрал обильный материал, где достаточно ясно и чётко вырисовываются взаимоотношения крупных, средних и мелких владельцев, продающих, покупающих, делящих, дарящих и тому подобным образом отчуждающих или приобретающих поля, сады и дома. Однако статистические приёмы автора вызывают серьёзные сомнения. Почему он считает, что 128 лиц, упомянутых в дошедших до нас и опубликованных документах, обязательно составляют четвертую часть всех частных землевладельцев Вавилонии (стр. 76)? С такой же долей вероятности можно говорить о половине, или одной сотой, или об одной тысячной. Последнее даже является более вероятным, так как до нас дошла лишь ничтожная часть архивов древнего Двуречья. Многие города и селения остались ещё не раскопанными, и надо полагать, что количество контрактов, свидетельствующих о купле-продаже и вообще об отчуждении земли, будет всё время пополняться. Затем, разве можно считать, что каждый частный землевладелец обязательно продавал или дарил кому-нибудь свой участок?

Надо признать, что даже 128 случаев отчуждения земли, о которых дошли до нас сведения (на деле подобных случаев было, конечно, гораздо больше), уже свидетельствуют о том, что переход земли из одних рук в другие был обычным делом уже во времена 1-й вавилонской династии.

Стремление Н. М. Никольского представить древневавилонскую общину вечной и неизменной — то слегка разложившейся, то опять возродившейся в прежнем виде — ни в коем случае не может быть принято. Возвращение вавилонского общества в касситский период к уровню Аккадского царства, а затем, во времена Навуходоносора и Кира, к социальным отношениям времён Хаммурапи (даже по новой хронологии это означает на 12 веков назад), прокламируемое автором, означает неспособность народов Востока к прогрессу. Для марксистско-ленинской науки этот вывод является неприемлемым. Пресловутая неподвижность восточного общества при ближайшем рассмотрении оказывается фикцией, и вряд ли этот порочный тезис может быть подкреплён вольными «статистическими» выкладками и абстрактными филологическими домыслами, взятыми на прокат у Колера, Пейзера, Кюка и других западных «светил».

Широкие социологические обобщения Н. М. Никольского, установленные им какие-то особые законы развития (вернее сказать, законы неподвижности, неизменности) для

⁵ Советский ассириолог Рифтин (указ. соч., стр. 60; № 22-а Л2) переводит «угар» как пашня. Вопросу об «угар» Н. М. Никольский уделял много места в своей прежней работе («Вестник древней истории» № 4 (5) за 1938 г.), но и здесь он не привёл убедительных доказательств в пользу своего толкования.

Востока очень ярко сформулированы на стр. 89: «Как непохожи представители этого мира на высокомерных римских патрициев и нобилей, которые именно как римские граждане были собственниками своих земель, во II—I в. до н. э. огромных латифундий, повелевали сотнями клиентов и вольноотпущенников и тысячами рабов, строили себе в своих владениях роскошные виллы и располагали большими денежными богатствами!

Как далеки представители этого мира и от гордых феодалов, которые владели на вотчинном праве собственности целыми княжествами, повелевали десятками и сотнями придворных и вассалов и сотнями и тысячами крепостных, жили в замках, каменных твердых, переживших века, и располагали огромными материальными ценностями! Аналогия этому миру мы найдём на том же Востоке в эпоху на три с половиной тысячи лет позднее древневавилонского царства — в XVII в. н. э. в государстве Великого Могола, как его описывает Франсуа Бернье. *Mutatis mutandis* мы узнаём в этой характеристике знакомые черты владеющей и властвующей верхушки древневавилонского общества. В то же время эта аналогия служит одним из самых лучших показателей специфического застойного характера общественного строя восточных стран, как основной черты последнего».

Я нарочно выписал эту пространную сравнительную характеристику различных типов общества потому, что здесь ясно и недвусмысленно проводится определённая тенденция противопоставить докапиталистический Восток в целом (и рабовладельческий и феодальный, рассматриваемые автором как единый комплекс) докапиталистическому Западу в целом (опять-таки полностью игнорируя различия между античным и средневековым обществом). Н. М. Никольский хочет убедить читателя, что древневосточный рабовладелец гораздо ближе стоит по своему положению к восточному феодалу, чем к древнеримскому рабовладельцу. С этим трудно согласиться. Конечно, нельзя отрицать местных специфических особенностей, сказывавшихся и в древности и в средние века. Но всё же нельзя ставить эти особенности во главу угла и забывать об общих чертах, свойственных каждой социально-экономической формации как на Западе, так и на Востоке.

Стремление во что бы то ни стало находить в восточных странах специфические черты, чуждые Западу, доводит Н. М. Никольского до того, что даже чересполосица частных владений и проживание частного владельца не в своём поместье, а в городе объявляются типично восточными явлениями, чуждыми якобы Риму и средневековой Европе (стр. 77).

Объявляя общинное землевладение специфической особенностью Востока, и притом Востока в целом, без учёта локальных и хронологических различий, Н. М. Никольский не учитывает очень ценных замечаний К. Маркса: «Что касается вопроса о собственности, то по поводу его среди английских учёных, пишущих об Индии, ведутся большие споры. Впрочем, в сильно пересечённой гористой местности к югу от Кришны собственность на землю, повидимому, существовала. Напротив того, на Яве... земля составляла полную собственность *sovereign*. Во всяком случае, магометане, повидимому, не установили во всей Азии принципа «отсутствия собственности на землю»⁶.

Как видим, Маркс считал вопрос о земельной собственности на Востоке очень сложным и не решённым ещё до конца, но, во всяком случае, он подчёркивал необходимость учитывать локальные особенности в пределах самого Востока, а не только географические условия Востока в целом в противовес Западу. Если бы Н. М. Никольский принял во внимание эти ценнейшие указания, то ему легче было бы выявить соотношение общинного и частного землевладения в Двуречье.

Итак, основная ошибка Н. М. Никольского заключается в преувеличении масштабов общинного землевладения в Двуречье и отрицании по существу процесса его разложения. Правда, он признаёт факт зарождения частного землевладения в долине Тигра и Евфрата, но стремится свести этот вопрос к минимуму, допуская только два пути перехода общинных земель в частные руки: 1) захват этих земель «вождями»⁷, «руководящими лицами» общины и 2) расхищение земельного фонда общины царской властью. Совершенно не учитывается третий путь — социальная дифференциация в среде

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 501.

⁷ Кавычки ставит Н. М. Никольский. — Д. Р.

самых общинников (рядовых членов общины, а не только «вождей»). Автор, очевидно, считает её невозможной. Когда в подлинном документе встречается зажиточный плотник, владеющий крупным наследственным наделом, Н. М. Никольский спешит объявить этого не совсем удобного для его схемы частного землевладельца выборным агентом общины (стр. 94—95).

Однако если мы начнём пересматривать хотя бы кудурру, которым автор придаёт большое значение, то окажется слишком много таких «выборных агентов». Возьмём, например, дарственную грамоту⁸, выданную царём Набу-апла-иддиной своему тёзке Набу-апла-иддине, сыну Адании. Поле последнего граничит с участком рыбака Гулазер-икиша и некоего Зерии, сына Нур-за, купившего свою землю у другого лица (о чём обстоятельно сообщается в документе). Неужели оба эти соседа должны считаться обязательно выборными агентами общины? Не лучше ли было бы вместо утверждения этого стандартного пути обогащения действительных или мнимых старейшин проследить многообразные способы выделения из общей массы общинников зажиточного слоя!

Стремление свести процесс распада общины к выделению из её среды чиновничье-го аппарата приводит объективно на позиции враждебной нам антимарксистской теории «казнатского способа производства». Очень жаль, что Н. М. Никольский игнорирует ясные и чёткие указания Маркса, данные в двух вариантах письма к В. Засулич⁹. Использование этих ценнейших замечаний помогло бы автору правильнее понять закономерность разложения сельской общины. С этим связан и другой вопрос, а именно о взаимоотношениях среди самих общинников. У Н. М. Никольского община древнего Двуречья рассматривается как какая-то ассоциация взаимопомощи, члены которой застрахованы от всяких несчастий, непрестанно заботясь друг о друге.

На стр. 88 читаем: «Сторонники гипотезы о разрушении общины в эпоху древне-вавилонского царства упускают также из виду крепкую спаянность общинников, которые в силу обычного общинного права были обязаны оказывать материальную поддержку однообщинникам, попавшим в долги, всегда соблюдать обычаи родства и товарищества и поддерживать силу и стойкость своей общины». Эта идиллическая картина древневавилонских социальных отношений, столь ярко нарисованная автором, по-коится, однако, на весьма шатком основании.

Н. М. Никольский ссылается на тот факт, что в ряде документов речь идёт об отработке долга не договорным лицом, а заместителем, который, очевидно, выставляется общиной. Однако доказать последнее вряд ли возможно. Такой же малоубедительной является ссылка на заклинание, где в числе грехов, возможно совершённых кающимся, упоминается захват дома сотоварища («таппу»). Очевидно, подобные случаи нарушения «общинной солидарности» имели место неоднократно, если приходилось прибегать к такой мере воздействия на «грешного» общинника, как магическое заклинание. Этот факт не подтверждает, а, напротив, опровергает теорию Н. М. Никольского о социальной гармонии внутри общины. И уже совершенно неубедительно звучит весьма поэтическое описание цветущих общинных земель. «Общинные поля,— пишет автор,— занимали не менее 80—90% всей культурной земельной площади древневавилонского царства. Это было безбрежное море ячменя, пшеницы и сезама, среди которого редкие разрозненные и мелкие поля и сады частных владельцев казались незаметными островками. Копотившийся на этих островках мирок был мирком мелких хищников, которые грызли попадавшую в их когти бедноту и грызлись непрерывно друг с другом, постоянно озираясь в то же время на вавилонского царя, который по своему произволу мог их жаловать и казнить» (стр. 89).

У читателя остаётся впечатление, будто социальные столкновения, эксплуатация и угнетение царили только на небольшой территории (10—20%) страны, а в остальной части её были тишь да гладь, не было хищников, и счастливые общинники, помогавшие друг другу (ср. стр. 88), благоденствовали среди своих цветущих полей.

Как же тогда понять многочисленные документы об эксплуатации не только соседа соседом, но и сына отцом, брата братом?

⁸ Переведена на русский язык ещё Б. А. Тураевым («Древний мир», 1915 г., стр. 42).

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 681, 695.

Безусловно, процесс экономической дифференциации, обогащения одних и обеднения других, зашёл в Двуречье гораздо дальше, чем думает автор. Эксплуатация наблюдалась и внутри патриархальной семьи, которую Н. М. Никольский также изображает в идиллических тонах. По его мнению, глава семьи не был полноправным собственником своего имущества. Любой сын мог потребовать раздела. Но и тот, получив свою часть (при жизни отца или после его смерти), оставался частным собственником лишь до поры до времени. Стоило ему жениться и обзавестись сыновьями, и сразу наступал конец его независимости. «Фактически глава семейной общины мог свободно распоряжаться, повидимому, только своим благоприобретённым имуществом, но после его смерти и это имущество становилось семейным и шло в общий раздел» (стр. 72).

Автор совсем не учитывает основной особенности патриархальной семьи (семейной общины) — неограниченной власти отца, который мог продавать своих детей в рабство, отдавать их в дом ростовщика для отработки своего личного (а не их) долга и даже в некоторых случаях откупаться от смертной казни за совершённое уголовное преступление ценой жизни сына или дочери (кодекс Хаммурапи, §§ 210 и 230). Положение сына в доме отца было далеко не таким прочным и счастливым, как думает Н. М. Никольский.

Уже во времена III династии Ура (по исправленной хронологии, 2132—2024 гг. до н. э.) действовал закон, смысл которого автор перевёл и интерпретировал совершенно неверно. На стр. 37 даётся следующий перевод: «Если кто скажет своему отцу и своей матери: ты не мой отец и не моя мать, — то должен он покинуть дом, поле, сад, рабов, движимое имущество, скот, и ему должна быть выдана целиком его доля. Его отец и мать скажут ему: ты не наш сын, — и он должен уйти из пределов дома». Н. М. Никольский считает, что здесь мы имеем намёк на право выхода из семейной общины и на получение при этом известной доли семейного имущества.

Однако более точный перевод данной статьи гласит: «Если приёмный сын своему отцу и матери своей: «Ты не отец мой (ты) не мать моя», — скажет, (то) дома, поля, сада, челяди, утвари, скота он лишается, и приёмного сына этого за полную цену его они продают»¹⁰.

Итак, отцовская власть в семье в XXII—XXI вв. до н. э. не ослабевала, а, напротив, усиливалась. Как выяснено в настоящее время благодаря исследованиям молодого советского ассириолога Л. А. Липина¹¹, патриархальная семья в Двуречье достигла вершины своего развития в Ассирии во II тысячелетии до н. э., следовательно, росла и крепла уже в сложившемся рабовладельческом обществе, и распад её начался значительно позже, чем это имело место по мнению Н. М. Никольского.

При анализе патриархальной семьи Н. М. Никольский не учитывает не только её централизованного характера под эгидой властного домовладыки, но также и её размеров. Подлинная патриархальная семья охватывает несколько поколений и кроме того включает в свой состав рабов (конечно, в древности).

В заключение следует отметить весьма показательный факт, имеющий принципиальное значение. Автор широко использует иностранную буржуазную литературу, но в примечаниях систематически переводит все названия трудов зарубежных ассириологов на русский язык, хотя эти труды на русский язык не переводились. Чтобы у читателя не возникло недоразумений, в скобках всюду ставится: (нем.), (франц.), (англ.). Таким образом, широкое использование иностранной литературы (на что автор имел, конечно, полное право, при условии надлежащего критического отношения) стыдливо прикрыто русскими заголовками в примечаниях, где на протяжении 23 страниц нет ни одного имени, написанного на каком-либо языке, кроме русского, и латинский шрифт употребляется только для передачи шумерийских или ассириовавилонских терминов.

И в то же самое время роли русской науки в изучении клинописных текстов уделено явно недостаточное внимание. Совершенно не упомянуты заслуги В. К. Шилейко, прекрасно издавшего и интерпретировавшего ряд документов. Талантливый русский востоковед И. М. Волков, который впервые перевёл с вавилонского на русский кодекс Хаммурапи, подвергается незаслуженным нападкам (стр. 145). Без всяких доказательств

¹⁰ Перевод акад. В. В. Струве, с его любезного разрешения используемый здесь мною

¹¹ В его диссертации, защищённой 17 июня 1949 г. в Ленинграде.

этот перевод, одобренный таким авторитетным учёным, как акад. Тураев, объявляется несамостоятельным и неточным. И в то же время расточаются чрезмерные комплименты зарубежным буржуазным ассириологам, имеющим нередко большие заслуги в области филологии, но не понимающим закономерности исторического развития и склонным к модернизации.

Таким образом, в рецензируемой книге Н. М. Никольского многое вызывает сомнения и возражения. Мы должны быть благодарны ему за то, что он собрал и систематизировал обильный материал, но поставленная им проблема не может считаться разрешённой. Необходимо ещё длительное и тщательное изучение общины древнего Двуречья на её различных этапах, с учётом всех особенностей каждого вида общины (родоплеменная, семейная, сельская), с учётом стадий в развитии сельской общины (ежегодные переделы, более редкие переделы, запрещение продавать свой надел, разрешение его продажи с некоторыми ограничениями и т. д.). Эта работа должна проводиться на базе ценнейших высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, использованных автором рецензируемой книги явно недостаточно. Несомненно, силами советских ассириологов эта насущная задача будет разрешена.

Д. Редер

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

П. В. СЕМЕРНИН, М. Н. КОРЧИН, Я. Н. РАЕНКО. *Очерки истории большевистских организаций на Дону*. Часть первая. Партархив Ростовского обкома ВКП(б). Под общей редакцией кандидата исторических наук П. В. Семернина. Ростовское областное издательство. 1948. 260 стр.

Рецензируемое издание является первой частью книги об истории Ростовской областной партийной организации с момента её зарождения до наших дней. Надо приветствовать инициативу составителей очерков и работников ростовского партархива, предпринявших первый опыт создания истории областной партийной организации в соответствии с периодизацией сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». «Знание истории местных партийных организаций, их борьбы за претворение в жизнь великих идей марксизма-ленинизма поможет ещё глубже и полнее понять исторический путь, пройденный большевистской партией», — правильно подчеркнуто в предисловии к книге. История Ростовской областной партийной организации представляет особый интерес. Центр Ростовской области, Ростов на Дону, к концу XIX в. был одним из крупнейших промышленных городов юга России. Донской социал-демократический комитет, созданный в Ростове в 1895 г., охватывал своим влиянием шахты и рудники Александровск-Грушевого (ныне Шахтинского) района, металлургические заводы Таганрога и Сулина, города и станции Северного Кавказа.

Авторы рецензируемой книги, помимо произведений Ленина и Сталина и опублико-

ванной литературы, использовали большой архивный материал Областного партархива и областного государственного архива.

Книга состоит из семи глав. Глава 1 — Зарождение социал-демократических кружков на Дону. Глава 2 — Борьба социал-демократических организаций Дона за ленинский план построения марксистской партии. Глава 3 — Меньшевики и большевики Дона в период русско-японской войны и первой русской революции (1904—1907). Глава 4 — Меньшевики и большевики Дона в период столыпинской реакции. Глава 5 — большевики Дона в годы подъёма рабочего движения перед первой империалистической войной. Глава 6 — Большевики Дона в период империалистической войны и второй революции. Глава 7 — Большевики Дона в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Наибольший интерес представляют 4, 5 и 6-я главы, содержащие много архивного материала, и глава 7-я, в которой систематизирован уже опубликованный материал и дана детальная картина развития событий в период от февраля к октябрю 1917 года.

В первой главе показан путь развития рабочего движения в Ростове, Таганроге, Новороссийске и других городах Дона со